

Н.В.Ковтун

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ НАУКИ И РИТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ЗЕРКАЛЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ СТРАТЕГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА**

Статья посвящена анализу ситуации с филологическими дисциплинами в системе отечественного университетского образования. Отмечено изменение отношения к литературе, чтению в современном обществе, прошедшем через искус постмодернизма. Процесс разрушения прежних представлений о литературном каноне, статусе автора, читателя, интерпретатора (преподавателя) меняет структуру литературоведческого образования, к чему педагоги оказались не готовы. Даже профессионал уже с трудом ориентируется в поле книжных новинок, обычные же молодые люди склонны скорее отказаться от чтения, чем вырабатывать собственную навигацию. Ситуация осложняется и тем, что деформируется статус профессии филолог, в университетах происходит сокращение профильных кафедр, диссертационных Советов, что не лучшим образом сказывается на конкурентоспособности филологического образования в целом.

Ключевые слова: современная филология, система образования, литературный канон, литературоведение как дисциплина

Вопрос о преподавании *художественной словесности* в школе и в вузе встает на совещаниях и филологических форумах разного уровня с завидной регулярностью, его обсуждение неизменно эмоционально. Сложно предположить, что подобная ситуация сохранится в разговоре о любой другой специальности с той же однозначностью. Связано это с совершенно особым статусом литературы в отечественной культуре, который стал оспариваться только в эпоху постмодерности. В ситуации *литературоцентричности* словесность привычно заменяла нам философию, социологию, идеологию, историю, религию... «Слово совмещает в себе и разум, и речь, и одно из наименований Сына Божия, и данный им людям закон», — пишет Ю.М.Лотман [1, с. 88]. Литература стала едва ли не основным, неоспоримым вкладом России в сокровищницу мировой культуры.

Природа этого положения вещей имела свои основания: растворение художественного начала во внехудожественных словесных контекстах на протяжении длительного периода мешало обособлению *поля литературы* (по Бурдьё) [2]. Одновременно это же позволило осознать художественную словесность как важнейшую составляющую национального космоса, ориентировало многие социальные практики на книжно-литературные образцы. В России целые поколения стремились выстраивать собственное бытие «по-писанному», нивелируя границу между текстом и миром. Переход от просвещенческой веры в могущество Слова к подрыву статуса Автора, релятивизации литературного письма, знаковым нарушениям художественных конвенций и границ художественности в целом — в диапазоне от предельной их социализации в рамках советского проекта до десоциализации и тотальной ревизии в постмодернистской эстетике — осуществился в середине — конце XX столетия.

Автор из пророка, учителя превратился в ремесленника, чья задача — развлекать публику. Уже на рубеже XIX—XX вв. возник феномен *«популярного писателя»*, чьи гонорары были существенно выше заработков классиков, для которых литература стала миссией, служением. Спрос на массовую литературу, писателя-наблюдателя, хроникера, отстраняющегося от собственного текста (а потом и остраивающего его), становится индикатором *кризиса литературоцентризма*, утверждением власти рынка, его права определять статус того или иного товара, жеста, события [3].

В ситуации литературоцентричности главным навигатором в поле художественной словесности выступал *литературный канон*, представленный знаковыми текстами, которые определили школьное и вузовское образование. Воплощением канона явились школьная программа по литературе; перечни книг, которые составили «золотую сотню», или признавались обязательными для прочтения интеллигентного человека; издания, получившие литературные премии, признанные лучшими текстами столетия, народа и т.д. Обсуждение необходимости, актуальности, востребованности канона происходило на различных уровнях, одним из свидетельств чего и стали работы И.Сухих, посвященные знаковым произведениям XX столетия. С 1998 г. автор публикует цикл статей в журнале «Звезда», посвященный вопросам формирования, репрезентативности, условиям существования литературного канона, затем выходят его полномасштабные исследования: «Книги XX века. Русский канон» [4], «Двадцать книг XX века» [5], и самая полная версия проекта — «Русский канон: Книги XX века» [6]. Журналистский вариант отбора репрезентативных изданий предложил и Ф.Бегбедер в книге с провокационным названием: «Лучшие книги XX века. Последняя опись перед распродажей», тут же переведенной на русский язык [7]. Актуальность вопросов дефиниции канона, его рамок, обоснованности включения (или исключения) определенного набора произведений до сих пор является предметом филологических дискуссий [8].

Авторитетность литературного канона, вплоть до эпохи постмодерна, была очень высока. По нему можно было определить приоритеты поколений, ибо поле литературы всегда конкурирует в социальном пространстве с иными полями: идеологии, религии, политики, социологии... И для каждого поля

вырабатывались свои законы конструирования, функционирования, свои границы и стремление к автономизации. Ориентируется в этом поле человек в соответствии со своим образованием, воспитанием, ценностными установками. Каждое поле ставит и решает *вопрос о власти* [9]. В поле литературы такая власть была у авторов канонических текстов, которые имели поддержку государства, огромные тиражи, авторитет. Образцовые тексты в условиях канона изучались и продвигались через государственный заказ, соответствующие институции, методы их анализа и репрезентации были достаточно устойчивы. Когда же власть литературы стала общепризнанной, очевидной, словесность как инструмент борьбы за перераспределение власти перестала интерпретироваться как поле актуальных стратегий. На обыгрывании, на разрушении тотальной власти слова и развернулся *соц-арт*, с которого начинается преодоление прежних литературных практик [10, с. 52-65].

Несколько запоздалое вхождение России в культуру постмодерна связано с ее оторванностью от мирового контекста, убежденностью в сакральности власти Слова. Ситуация постмодерна и была означена сменой приоритетов, культурной модели (с «древесной», акцентирующей вертикальные связи, на прямо обратную — ризоматическую, по теории Ф.Гваттари и Ж.Делеза [11]), что отразилось на статусе канона, принципе литературоцентричности культуры в целом. Из страны, в которой по книге выстраивали реальную жизнь, формировали образ «нового человека», где художественным утопиям верили куда более, чем реальности, мы мигрировали в страну, чья литература стремительно *маргинализируется*. Лишившись поддержки властных инстанций, литература оказалась не в состоянии конкурировать на равных из-за малой востребованности, изменения механизма чтения, развенчания статуса интеллигенции, утратившей свою прежнюю социальную значимость, а также по причине истончения слоя «серьезных» читателей, нацелившихся в определенный момент на развлечение, предоставляемое визуальными видами искусства.

Свою роль сыграли и экономические причины: книга — дорогой товар, домашние библиотеки постепенно осознаются как неоправданная роскошь, как излишество или старомодное чудачество. Традиция работы со сложными текстами (интерпретация которых требует аналитических усилий, времени, внутренней подготовки), составляющая одну из важнейших особенностей отечественной культуры, девальвируется (не случайно в статусных российских университетах стали вводить курсы «медленного чтения»). К этим обстоятельствам стоит добавить и еще несколько аргументов: изменение приоритетов массового потребителя, для которого в России именно литература была синонимом культуры; отмена жесткой цензуры, появление «расслабленного письма X» или «усталой литературы»; словесность перестает ассоциироваться с «запретным плодом», который всегда привлекателен; влияние мирового контекста, в рамках которого литература утратила уникальность, ей стало необходимо конкурировать с иными источниками информации, видами искусств, прежде всего, с ТВ и Интернет-ресурсами.

В условиях разрушения канона читатель не может опираться на традиционные навыки в выборе круга чтения или определенные образцы, которые скомпрометировала сама история (ортодоксальные тексты социалистического реализма, например). Он должен уметь вырабатывать *собственные критерии* отбора и анализа текстов, именно этому и нужно сегодня учить: как формировать вкус, как следить за новинками, литературными премиями, разбираться в журнальном поле, популярных литературных сайтах и т.д. Преподаватели (университетские в том числе) зачастую и сами не блещут такими навыками. Специалист по литературе XXI века — редкость и в европейской филологической науке. Современный взыскательный читатель / школьник / студент стал одним из серьезнейших испытаний для достаточно *архаичной* системы образования в области литературоведения, где по сей день зачастую опираются на установленные еще в условиях канона образцы и принципы их анализа. По сути, филологическое образование особенно в педагогическом вузе превращается в *риторические упражнения*, вытесняется *методикой* преподавания и множеством специальных педагогических дисциплин.

Время, которое отводилось ранее на вопросы, высказывание собственных идей, дискуссию по поводу прочитанного, аннулировано. Это проблематизирует в том числе формирование современной интеллектуальной среды, в которой можно было бы возвращать современного, конкурентоспособного преподавателя. Студенты-филологи, будущие учителя школы зачастую получают образование, которое *изначально* не отвечает потребностям современной аудитории. В университетских программах по истории литературы сокращены целые периоды, менее всего повезло литературе рубежа XX—XXI вв., которую преподаватели и, соответственно, выпускники филологических факультетов вузов почти не изучают — не хватает аудиторного времени, а навыки самостоятельной работы при отсутствии теоретических знаний вряд ли спасительны. Ситуация осложняется еще и тем, что литература XXI века опирается на традицию *андеграундной словесности*, которая до сих пор достаточно мало известна (кроме «московского концептуализма», может быть) и недостаточно изучена.

Сегодня, когда культура преодолевает ситуацию постмодерности, нужно признать, что изменился *тип писателя и читателя*, границы между ними все менее уловимы, роль читателя признается едва ли не более значимой, чем авторская. Переосмыслена *миссия литературы* в глобальном мире, изменились манифесты художественного поведения и символический капитал. В России выросло целое поколение, для которого визуальная культура куда предпочтительнее вербальной, поколение, которому литература уже не нужна в той мере, как это было всего несколько лет назад, когда слово заменяло собой жизнь. Молодые люди, читающие Гарри Поттера, Наринэ Абрамян, разбирающиеся в европейских и американских сериалах, хотят понять

актуальную реальность, свое место в ней. Не случайно в одном из интервью М.Липовецкий выдвинул тезис о глубинном родстве современного сериала как такого и романа, как если бы Л.Толстому пришлось его писать сегодня. Сходство обнаруживается даже на уровне приемов чтения — скольжение по экрану айпада напоминает смену кинокадров... Так формируется новое поколение с иной *мыслительной моделью* (клиповое мышление), на что современное образование пока не умеет реагировать, стремительно отставая от тенденций времени. Оговорюсь сразу, некоторая инерционность образовательной системы в России сыграла и положительную роль, сохранив структуру, научные школы во времена бесконечных реформ, но актуальная филология, литературоведение XX—XXI вв. воспринимается как связанное с «живой жизнью», дающие представление о настоящем моменте в его художественном осмыслении. Эти ожидания (сформированные всем строем русской литературоцентричной культуры) остались не оправданными.

И все же огромный экзистенциальный, социальный, исторический, политический... опыт человечества в концентрированном виде остается в литературе. Сегодняшние споры о необходимости жить с оглядкой на классическую словесность, создавать новый книжный канон, обвинения в неуважении традиций, захлестнувшие общественность, порождены убеждением, что литература — одно из *трансцендентных оснований* национального бытия. Литературные типы (от недоросля до «чудиков» В.Шукшина) вошли в культурное сознание нации, понятия стали нарицательными. Они, однако, уже не справляются с функциями ориентиров в сегодняшнем бытии, потеснены *новыми типажам* (Гарри Поттер; целая череда современных трикстеров, которые появились и в текстах классических авторов — тот же Сеня Поздняков у В.Распутина [12]) и *новыми «проклятыми вопросами»* (вместо «Что делать?» и «Кто виноват?», на которые отчасти ответы известны, обреченно-равнодушный: «Ну и что?»). Эти типаж, вопросы часто заимствованы из массовой литературы, изучением которой мы недостаточно занимаемся по сей день.

Словесность сегодня уходит из обязательного списка интеллигентного человека, ее знание перестало быть престижным. Современность продемонстрировала, что люди читают не потому, что им нужно приобщиться к классическому наследию, через литературу они хотят быть вписаны в окружающую реальность, постигать настоящее, получать представление о бытии в мире-хаосе. Не случайно одной из знаковых тенденций времени стал *антропологический поворот*, захвативший литературу и литературоведение (интерес к жанру биографии писателей, феномену повседневности). Актуальная словесность перестала выступать важнейшим навигатором в выборе жизненных практик, она встала в один ряд с другими видами искусства (кино, музыкой, живописью, дизайном, СМИ), что давно имеет место в Европе, но до сих пор осознается болезненно в России.

Для современной читающей молодежи все интереснее те периоды отечественной культуры и литературы, которые сближают ее с европейским контекстом: модерн, постмодерн, концептуализм... Последний как раз и продемонстрировал бедность, провинциализм литературных стратегий, которые были адаптированы полем советской словесности. Разочарование в итогах «оттепели» было в том числе и разочарованием в утопическом проекте, созданном советской литературой. В этот период наши читатели открыли для себя «новый роман», театр абсурда, прозу Борхеса, Беккета, Набокова... Одним из следствий этого периода и стало появление более радикальных писательских практик — лианозовцы, «московский концептуализм»... Некоторые из них предопределили постмодернизм с его плюрализмом, деконструкцией авторитетных ценностных систем. Поколение, получившее прививку этой культурой, не усваивает знания, которые выстроены в жестко иерархичной форме, преподносятся в дидактическом ключе, как это часто бывает именно в педагогических вузах.

Сегодня нужно признать, что изменились роли не только *писателя* и *читателя*, но и *преподавателя* [13, с. 29-35], который становится посредником между почти уже необозримым полем актуальной словесности (доступ к которой невероятно облегчился из-за возможностей Интернет-ресурсов) и теми, кто читает и изучает ее профессионально. Даже специалист-филолог уже с трудом может следить за книжными новинками, в то время как обычные молодые люди склонны скорее отказаться от чтения, признав его скучным занятием, чем выработать собственную навигацию. Очерченная ситуация девальвации статуса чтения, «книжных людей» накладывается на непростое состояние современной образовательной системы, где литературоведение стало осознаваться едва ли не *вспомогательной дисциплиной*, высокая филология превращается в занятие избранных, составляющих закрытое сообщество со своим языком, публикациями и конференциями.

Одна из насущных проблем сегодня связана с сокращением профильных литературоведческих кафедр как в классических университетах, так и в педагогических вузах. С одной стороны, это оправдывают либо сокращением часов на изучение соответствующих дисциплин, либо их оптимизацией. С другой стороны, параллельно снижению ценности самой литературы, снижается и статус профессии филолог. Из нее вымываются профессионалы, которым не интересно преподавать исключительно прикладные дисциплины. В результате такого положения дел в профессии вынуждено остаются люди, у кого отсутствуют другие альтернативы. Ситуация с профильными филологическими дисциплинами в провинциальных (пусть только географически) педагогических университетах осложняется еще и тем, что здесь недостает профессоров, которые могли бы работать над крупными научными проектами, существовать в общеинтеллектуальном мировом дискурсе, способных проводить широкомасштабные форумы и конференции, труды которых имели бы международное значение. Если ранее считалось вполне оправданным приглашение профессуры из Европы, обмен специалистами, то сейчас эта практика менее интенсивна, и нужно делать акцент на воспитании докторов наук в собственных вузах (где и научные школы немногочисленны, число диссертационных Советов сокращено, научное руководство из-за нехватки высокопрофессиональных кадров проблематично).

Особого разговора заслуживает и то обстоятельство, что параллельно сокращению филологических кафедр увеличивается число кафедр методики и педагогики (особенно в педагогических университетах), которые получают в свое распоряжение огромное количество часов, практик. Объем педагогических дисциплин таков, что педагогика выглядит самодостаточной дисциплиной, рассматривается вне контекста с профессиональными знаниями, профильными курсами, эта ситуация в итоге создает препятствие выпускникам, которые хотели бы поступить в магистратуру, аспирантуру ведущих классических университетов. Складывается тягостная ситуация, когда будущие учителя литературы, например, знают методику преподавания литературы, но практически не знают самих текстов. Вряд ли стоит говорить, что такая ситуация сложно соотносится с провозглашаемой политикой в области образования, где акценты смещаются на проблему формирования *национальной идентичности*, конкурентоспособности отечественной науки. И в этом отношении можно только приветствовать недавний Приказ Министерства науки и высшего образования РФ о микшировании разграничений между выпускниками классических и педагогических университетов, планирующих работу в школе. Как человек, всю карьеру работающий в классических университетах и только недавно познакомившийся с практикой преподавания в педагогическом вузе, могу свидетельствовать, что подготовка филологов в первом типе учебных заведений основательнее именно за счет большего количества часов на теоретические дисциплины и отсутствия доминирования педагогических.

Падение общего уровня преподавания филологических дисциплин сказалось не только на обучении магистрантов, но и аспирантов. На наших глазах происходит девальвация *института аспирантуры*, который из лучших побуждений — дать аспирантам больше времени на подготовку, встроили в общеобразовательный контекст, но одновременно стимул к написанию и защите диссертаций разрушается. Кроме того, в отчетных документах научных руководителей часто фигурирует цифра набора в аспирантуру, но не количество защитившихся под их руководством. Пристальное внимание стоит уделить набору дисциплин в аспирантуре филологического профиля (особенно в педагогических вузах), где удельный вес педагогических дисциплин неоправданно высок. Девальвация стимула у молодых людей учиться в аспирантуре связана и с фактическим отсутствием перспективы остаться в вузе. Сегодня необходимо продумывать действенную систему социальных лифтов, поощрений, которая бы существенно улучшила положение дел.

Изменение литературного поля, структуры филологического образования логично требует актуализации *Института повышения квалификации* самих педагогов, причем, преподавать там должны крупные, известные в своей области специалисты, держатели научных школ, а не сами же педагоги, как это сейчас практикуется.

На фоне перечисленных процессов, характеризующих пусть и в самых общих чертах, внутреннее самоощущение носителей профессии, все более заметны проговариваемые властью усилия по поддержанию статуса отечественной словесности и языка, пренебрежение которыми в перспективе может стоить нам государства, ведь язык, литература — один из мощнейших ресурсов, объединяющих этнос. Многочисленные литературные премии, телевизионные передачи, Международные форумы и гранты [14, с. 98-103], посвященные отечественной словесности, дискуссии и книжные ярмарки свидетельствуют о желании власти, интеллектуалов поддержать статус Слова.

Еще одним свидетельством этого стали фонды, общественные организации: РУСЛИТВУЗ, АССУЛ, МАПРЯЛ, ОРС [15], профессорское собрание и др., образованные для поддержки гуманитарных наук, развития уже не столько *вертикальных* связей, сколько связей *горизонтальных*, обеспечивающих профессиональное общение. При определенной значимости связей вертикальных, горизонтальные приносят сегодня значительно меньший эффект, чем ожидалось. И здесь кроме себя самих винить нам некого. В этом контексте особое значение приобретают филологические конференции, форумы, семинары и симпозиумы, призванные подчеркнуть значимость литературы как трансцендентного основания культуры России в целом. В Европе, в Японии XXI век уже официально считают *веком гуманитариев*, это время разработки искусственного интеллекта, изучения сложнейших связей между языком и моделью мышления, в означенной парадигме необходимо развивать *математическую лингвистику*, а не вездесущую *коммуникативистику*, например, в рамках которой язык рассматривается в прикладном аспекте как средство коммуникации. Все сказанное создает картину достаточно сложную, требующую серьезной аналитики профессионалов, выработки средств развития профильных филологических кафедр, открытых для молодых, активных ученых, способных поддержать статус отечественной науки в России и мире.

И в финале хотелось бы сказать о высоком значении *«Ассоциации преподавателей русского языка и литературы высшей школы»*, которая создана как исключительно профессиональное сообщество, вряд ли имеющее аналоги в России. Только наше Региональное отделение Ассоциации (Красноярск) демонстрирует целый спектр Международных конференций, поддержанных грантами разного уровня, знаковых изданий, получивших всевозможные премии. Мы провели Международную конференцию *«Сибирская идентичность в зеркале литературного текста»*, в 2016 г. прошел Международный научный семинар *«Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия»*, в 2017 *«Сибирский филологический форум»*. Мы регулярно организуем филологическую секцию на Рождественских Чтениях в Красноярске, прошедших в 2018 г. в XIX раз. В 2019 г. при поддержке фонда президентских грантов прошла *Школа молодого филолога*, собравшая участников со всей Сибири. Лекции здесь читали крупнейшие ученые, приглашенные из ведущих российских университетов.

Отметим и важность запущенной серии научных изданий «*Универсалии культуры*», выходящей с 2007 г. Сегодня официальных выпусков уже десять, готовятся следующие. Среди редакторов и рецензентов монографий известные имена Б.Ф.Егорова, Е.К.Ромодановской, И.Силантьева, И.И.Плехановой, Андреа фон Майер-Фраатц, Я.Войводиц, И.Смирнова, Й.Херальта. Книги отмечены дипломами и наградами разного уровня. Последний учебник, вышедший в названной серии: *Русская традиционалистская проза XX—XXI вв.: генезис, мифопоэтика, контексты* (М., 2017), мы представляем особым образом, ибо он является обобщающим трудом, дающим системное представление о генезисе, поэтике, историко-культурных и семиотических контекстах, определивших статус одного из ведущих направлений русской прозы XX—XXI вв. Книга может служить дополнением к известному многотомному учебнику Н.Л.Лейдермана и М.Н.Липовецкого, в котором направление отечественного традиционализма представлено достаточно конспективно.

Подводя итоги сказанному, подчеркнем, что даже эпоха постмодерна, пришедшая к своему завершению, не смогла кардинально изменить понимание литературы как одной из трансцендентальных основ отечественной культуры в целом. Современное отечественное образование в области литературоведения должно иметь статус базового, определяющего в том числе перспективу вхождения России в XXI в.

1. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. IV. (XVIII — начало XIX века). М., 1996. 831 с.
2. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
3. Кризис литературоцентричности: утрата идентичности vs новые возможности: монография / Отв. ред. Н.В.Ковтун. «Универсалии культуры». Вып. V. М.: Флинта-Наука, 2014. 576 с.
4. Сухих И. Книги XX века. Русский канон: эссе. М.: Независимая газета, 2001. 352 с.
5. Сухих И. Двадцать книг XX века. СПб.: Паритет, 2004. 542 с.
6. Сухих И. Русский канон: Книги XX века. М.: Время, 2013. 863 с.
7. Бегбедер Ф. Лучшие книги XX века. Последняя опись перед распродажей / Пер. с фр. И.Волевич. М.: Флюид, 2008. 192 с.
8. Проблемы каноничности русской литературы: теория, эволюция, перевод. Сб. ст. под ред. К.Ястшембской, М.Охняк, Э.Пиллярчик. Краков, 2017. 173 с.
9. Берг М. Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛЮ, 2000. 352 с.
10. Ковтун Н. Актуальная литература в зеркале манифестов («Мой манифест» В.Распутина, «Учение ЕПС» В.Ерофеева и «Отрицание траура» С.Шаргунова) // LITERATURA (Rusistica Vilnensis). 2016. № 58(2). P. 52-65.
11. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Я.И.Свирского, науч. ред. В.Ю.Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
12. Ковтун Н.В. Трикстер в окрестностях поздней деревенской прозы // Respectus Philologicus. 2011. № 19(24). P. 65-81.
13. Ковтун Н.В. К вопросу о миссии преподавателя-филолога в современном обществе: предварительные замечания // Непрерывное гуманитарное образование в России и проблемы сохранения национальной и культурной идентичности: Материалы Всероссийского научно-методического форума, состоявшегося 30 ноября — 1 декабря 2016 г. в Воронежском государственном университете / Под научн. ред. О.В.Загорской, Т.А.Никоновой. Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2017. С. 29-35.
14. Ковтун Н.В. Первый Международный Сибирский филологический форум: итоги и перспективы // Филологический класс. 2016. № 3(45). С. 98-103.
15. Ковтун Н.В. Общество русской словесности: история и современность // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2016. № 6. С. 112-120.

References

1. Lotman Yu.M. Ocherki po istorii russkoy kul'tury XVIII — nachala XIX veka [Essays on the history of Russian culture of the 18th — early 19th centuries]. Iz istorii russkoy kul'tury, vol. IV. (XVIII — nachalo XIX veka). Moscow, 1996. 831 p.
2. Burd'e P. Sotsiologiya politiki [Sociology of politics]. Moscow, 1993. 336 p.
3. Kovtun N.V., ed. Krizis literaturotsentricnosti: utrata identichnosti vs novye vozmozhnosti: monografiya [The crisis of literature-centricity: loss of identity vs new opportunities: monograph]. Moscow, 2014. 576 p.
4. Sukhikh I. Knigi XX veka. Russkiy kanon: esse [Books of the twentieth century. Russian canon: essay]. Moscow, 2001. 352 p.
5. Sukhikh I. Dvadsat' knig XX veka [Twenty books of the twentieth century]. St. Petersburg, 2004. 542 p.
6. Sukhikh I. Russkiy kanon: Knigi XX veka [Russian canon: books of the twentieth century]. Moscow, 2013. 863 p.
7. Begbeder F. Luchshie knigi XX veka. Poslednyaya opis' pered rasprodazhey [The best books of the 20th century. Last inventory before sale]. Moscow, 2008. 192 p.
8. Yastshembskaya K., Okhnyak M., Pilyarchik E., ed. Problemy kanonichnosti russkoy literatury: teoriya, evolyutsiya, perevod [The problems of canonicity of Russian literature: theory, evolution, translation]. Krakov, 2017. 173 p.
9. Berg M. Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature [The literaturecracy. The problem of the appropriation and redistribution of power in literature]. Moscow, 2000. 352 p.
10. Kovtun N. Aktual'naya literatura v zerkale manifestov ("Moy manifest" V.Raspulina, "Uchenie EPS" V.Erofeeva i "Otritsanie traura" S.Shargunova) [Actual literature in the mirror of manifestos ("My manifest" by V.Rasputin, "Teaching of the YOPS" by V.Erofeev and "Denial of mourning" by S.Shargunov)]. LITERATURA (Rusistica Vilnensis), 2016, no. 58(2), pp. 52-65.
11. Delez Zh., Gvattari F. Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya [A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg, Moscow, 2010. 895 p.
12. Kovtun N.V. Trikshter v okrestnostyakh pozdney derevenskoy prozy [Trickster in the vicinity of late village prose]. Respectus Philologicus, 2011, no. 19(24), pp. 65-81.
13. Kovtun N.V. K voprosu o missii prepodavatelya-filologa v sovremennom obshchestve: predvaritel'nye zamechaniya [On the mission of the teacher-philologist in modern society: preliminary observations]. Proc. of „Nepriyryvnoe gumanitarnoe obrazovanie v Rossii i problemy sokhraneniya natsional'noy i kul'turnoy identichnosti“. Kaluga, 2017, pp. 29-35.
14. Kovtun N.V. Pervyy Mezhdunarodnyy Sibirskiy filologicheskyy forum: itogi i perspektivy [The First International Siberian Philological Forum: Results and Prospects]. Filologicheskyy klass, 2016, no. 3(45), pp. 98-103.
15. Kovtun N.V. Obshchestvo russkoy slovesnosti: istoriya i sovremennost' [Society of Russian Literature: now and then]. Filologicheskyye nauki, Doklady vysshey shkoly, 2016, no. 6, pp. 112-120.

Kovtun N.V. Fundamental sciences and rhetorical practices in the framework of educational strategy of teachers' training higher education institution. The article explores of the situation with philological disciplines in the system of university education. Postmodernism is an epochal change based on a denial on traditional attitude to literature and the culture of reading in modern society, former ideas of the literary canon, the status of the author, the reader, and the teacher. The situation has changed and modern teachers are not ready for it. It is difficult even for a professional to develop one's own understanding of new books that appear on the market. Young people are inclined to give up reading at all. The situation is getting worse with the current crisis with the professional status of 'philologist' (linguist) as well as with a reduction in the number of dissertation committees and Russian literature departments at colleges and universities in Russia.

Keywords: modern philology, education system, literary canon, literary criticism as discipline.

Сведения об авторе. Наталья Владимовна Ковтун — доктор филол. наук, профессор, профессор каф. мировой литературы и методики ее преподавания филол. ф-та КГПУ им. В.П.Астафьева; nkovtun@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.